

НОВЫЕ ИМЕНА

По-кавалерийски кривоногий, ловкий, грубо распахнутый для всех и всего, Морозко с такой естественностью бранился, дрался, плясал, казался, шел на смерть, что со сцены в зал ощутимо тянуло дымом таежных костров, порохов партизанских боев... И не случайно кто-то из старых партизан, принимавших спектакль, сказал тогда, что им, ветеранам, удалось не только вновь увидеть то время, но даже почувствовать его дыхание.

Это было в «Разгроме» — первой постановке нового главного режиссера Театра имени М. Горького Ефима Табачникова. После премьеры местная критика писала о спектакле в высшей степени полифоничном, о мастерском использовании режиссером

КАК В ПЕРВЫЙ РАЗ

Валерий НИКИТИН — актер Владивостокского театра имени М. Горького

всех художественных средств: голая из некрашенных досок сопка, четкие мизансцены, музыка, яркие, неожиданные световые решения. Но дыхание времени... В этом большая заслуга исполнителя роли Морозки Валерия Никитина. Вместе с Левинсоном (В. Бугреев) его Морозко очень точно реализовал тот режиссерский замысел, ради которого и был задуман спектакль, — революция победила вот с такими людьми из народа, отнюдь не «чистенькими», потому что их взяла в свои руки, вела и воспитывала партия.

Для Никитина это был первый большой актерский успех во Владивостоке, хотя и до Табачникова он играл немало.

Что, казалось бы, общего у здорового, сильного, бесшабашного Морозки с почти бестелесным, робким, поначалу едва ли не жалким Макаром Девушкиным из «Бедных людей» Ф. Достоевского, очередной постановки Е. Табачникова? Где та точка, опираясь на которую, можно повернуть душу одного и того же актера из Морозки в Девушкина? Способность к внешнему перевоплощению? Да, она есть у Никитина, но ведь только внешнего всегда мало, а для такого образа, как Макар, мало вдвойне. На что же опирались актер и режиссер, идя к этой роли?

Никитин объясняет это так: — Ухожу с «Разгрома» раз-

битый, с какой-то внутренней досадой в душе. Убили меня, черти. Убили, когда я уже почти дошел до себя другого, лучшего... В «Бедных людях» физическая нагрузка в сто раз большая. Все время на сцене, огромный текст. А кончается спектакль, и на душе светло, радостно. Почему? Да потому, что дошел мой Макар и я с ним до самого себя, нового, другого...

Табачников верит в «светлого», несмотря на весь его трагизм, Достоевского, особенно раннего. Вместе с художником Т. Сельвинской он и оформление спектакля задумал не традиционно-мрачным, не черным, а голубым и пепельным. Актер разделил с

режиссером эту его веру. Сработало и нажитое во время работы над образом Морозки убеждение: человек, если он человек, постоянно и непременно должен идти к свету, к себе лучшему.

Идет к лучшему в себе, идет грудью колесом, с развевающимся под ветром чубом

Морозко... Идет, но как-то странно, склонившись, боком, словно боясь встретиться лицом к лицу не только с правдой, но и с любым собеседником, Макар. По-разному идут, но идут, хотя дойдет только Девушкин, созреет до отрицания существующего порядка вещей и, пораженный своим открытием, не сразу выпрямится, а сначала упадет на колени, и мы не увидим, как он поднимется, но мы поверим, что он поднимется и распрямится.

Таким увидел своего нового героя Никитин и таким воплотил его на сцене. Таким он затронул за живое зрителей. На заседании клуба друзей театра (молодые рабочие, научные сотрудники, педагоги, студенты) говорили о том, что такой Девушкин необходим и сегодня: «Учит быть добрым в самых жестоких обстоятельствах...», «Так мало иметь, и так много давать...», «Суровый

и светлый спектакль. С таким Достоевским я еще не встречался»...

Е. Табачников о В. Никитине: — Есть актеры эмоциональные по преимуществу. Есть идущие от мысли. Никитин гармоничен, он чувствует и думает с одинаковой силой. Рад, что мне удалось это увидеть, освободить его от некоторых предвзятостей, и тогда обнаружилась его ценнейшая способность — взглянуть на мир, как в первый раз.

О том, как «пашет» актер, как упорно и трезво обрабатывает поле своей души, он говорит мало и неохотно. В беседе обмолвился, что родился и рос в деревне, до театральной студии работал на заводе. А из всех журналов предпочитает «Наш современник»:

— Здорово там пишут о деревне. А я люблю деревню... И вдруг оживился, улыбнулся впервые за весь разговор:

— «Прощание с Матерой» Распутина читали? Дарья там есть — очень она помогла мне с Девушкиным...

Я не понял, какая связь между старой крестьянкой и Макаром Девушкиным.

— Человек непременно должен что-то любить больше всего на свете, больше себя. И еще совесть. Совесть — это главное.

Я спросил о новых ролях. — Карлсон, который живет на крыше.

— Это при ваших 185 сантиметрах и полном отсутствии того, что делает его «в меру упитанным мужчиной»?

— Трудно... Лукавство и простодушие, соедините-ка их... Но зато интересно, очень!

И заторопился, радостно озабоченный: вот-вот должна была начаться репетиция...

М. БРИМАН,

наш соб. корр.

ВЛАДИВОСТОК.